

Банкротство превратилось в риск, который необходимо учитывать в обычной хозяйственной деятельности

20.07.2016

ИНТЕРВЬЮ

О том, как состояние современного банкротного законодательства и правоприменения оценивает бизнес, об отличиях банкротств в этот и предыдущий кризисы, а также об особенностях юридического консультирования в связи с банкротствами мы поговорили в [специальном приложении к Legal Insight](#) с Ольгой Реновой, управляющим партнером Forward Legal.

— Как вы оцениваете отечественное законодательство о банкротстве с точки зрения соотношения сил кредиторов и должников?

— Российское банкротное законодательство носит ярко выраженный прокредиторский характер. Интересы должника и собственников бизнеса (а эти фигуры не всегда совпадают) игнорируются. Целью института банкротства в российском праве является не восстановление платежеспособности должника, а ликвидация компании как субъекта права и удовлетворение требований кредиторов из конкурсной массы. Поэтому из всего богатого инструментария, который предусмотрен законом, работают исключительно наблюдение и конкурсное производство. За многие годы нашей практики лишь одно дело дошло до финансового оздоровления. Кредиторы не равны между собой (самые обеспеченные интересы принадлежат тем, кто озаботился обеспечением своих обязательств — залоговым кредиторам), однако с точки зрения бизнеса это нормальная ситуация: кто имеет больший объем требований, тот имеет больше возможностей влиять на ход процедуры банкротства.

— Готов ли бизнес к принятию закона о финансовом оздоровлении?

— Думаю, что нет. Более того, не готов никто: ни общество, ни суды. Этот институт сможет заработать, когда более-менее восстановится экономическая ситуация. То есть не скоро. Мы живем в ситуации кризиса. Денег стало меньше, банкротство приобрело более жесткий характер. Процедуры, которые предусматривают возможность выхода должника из банкротства, максимально сокращаются, кредиторы стремятся ускорить конкурсное производство, чтобы удовлетворить свои требования. При этом серьезный и интересный крупный бизнес и без предлагаемых норм имеет возможность оздоравливаться посредством реструктуризации долгов. У нас в практике есть подобные примеры.

Что же касается мелких и средних компаний, то в сегодняшнем виде законопроект позволяет полностью отстранить менеджмент от управления компанией и, таким образом, не направлен на защиту и сохранение бизнеса у собственника. Финансовое оздоровление будет происходить за счет кредиторов, после реализации соответствующих процедур бизнес перейдет под контроль иных лиц. У должника отсутствует мотивация подавать заявление о финансовом оздоровлении. Видимо, он должен руководствоваться не экономическими, а какими-то идеологическими мотивами.

— С какими злоупотреблениями участников банкротств вы чаще всего сталкиваетесь на практике?

— Это зависит от того, кто инициировал процедуру банкротства, выбрал арбитражного управляющего и контролирует процесс. Если арбитражный управляющий не работает или работает в интересах должника, который выводит активы и пытается уйти от ответственности, у кредиторов очень мало шансов защитить свои интересы. Они лишаются информации о деятельности должника, операциях, которые производились, не могут оспорить сделки или привлечь к ответственности руководство должника и его непосредственных собственников. Злоупотреблений со стороны кредиторов гораздо меньше, чаще всего они связаны с включением необоснованных требований в реестр, произвольным увеличением размера требований, манипулированием информацией. Так же в нашей практике недавно был случай, когда кредитор при поддержке управляющего пытался привлечь к ответственности контролирующих лиц должника в отсутствие каких-то оснований.

— Получается, что большинство злоупотреблений так или иначе связаны с деятельностью управляющих. Саморегулирование в этой сфере неэффективно? Может быть, необходимо повысить требования к управляющим?

— В настоящее время, к сожалению, СРО — это защищающая управляющих организация, а не независимый институт, объективно оценивающий, насколько деятельность членов соответствует профессиональным стандартам. Практика привлечения управляющих к ответственности складывается не в пользу кредиторов и того лица, которое обжалует

действие управляющего. Нарушения должны быть существенными, в каждом случае требуется предварительный сбор информации кредиторами, что не всегда возможно.

Таким образом, самый эффективный (и уже предусмотренный законом) инструмент дисциплинирования управляющих — ответственность — на практике не работает. При этом я думаю, что реальность и неотвратимость ответственности управляющих может намного быстрее упорядочить их деятельность, чем повышение требований к ним или реформирование СРО.

Вместе с тем бывают перегибы и в другую сторону: у нас в практике был случай, когда арбитражного управляющего пытались необоснованно привлечь к ответственности. Сумма требований была существенной для физического лица — порядка 12 миллионов рублей. Нам удалось заключить мировое соглашение и уменьшить сумму требований.

— Какие тенденции в сфере банкротств кредитных организаций вы могли бы выделить? Как вы оцениваете деятельность АСВ?

— Главная тенденция — необыкновенное увеличение банкротств кредитных организаций. Проблем в этой сфере много, они разноплановые. Что касается деятельности АСВ, то вряд ли найдется кто-то из практикующих юристов, кто будет восхвалять эту организацию. Управляющие, которые назначаются, тратят средства кредиторов, безуспешно в трех инстанциях оспаривая все подряд сделки или пытаясь реализовать активы должника дружественным лицам. В случае совершения управляющим или иными лицами недобросовестных действий у АСВ отсутствует заинтересованность в защите прав кредиторов. Например, в нашей практике было дело о включении требования вкладчика в реестр без полного пакета документов, подтверждающих внесение денег. Договор, который был заключен с нашим клиентом, был поддельным, в банке велась двойная бухгалтерия, деньги, которые перечислялись по безналичному расчету, пропадали. Решение о включении лица в реестр кредиторов устояло в трех инстанциях, параллельно было возбуждено уголовное дело, и наш клиент был привлечен в качестве потерпевшего. С начала банкротства банка прошло более двух лет, а заявление о субсидиарной ответственности менеджмента банка до сих пор не подано. Единственный актив, который

у них есть, арестовывал следователь, а не АСВ.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в силу публичного интереса кредитные организации — это единственный вид должника, в отношении которых работает финансовое оздоровление, санация. Не всегда эффективно, иногда с привлечением нескольких доноров или с целью увеличения банковских групп и получения влияния на финансовом рынке, но тем не менее.

— Чего не хватает бизнесу в законодательстве о банкротстве и практике его применения? Какие еще инструменты нужны?

— Благодаря внесенным за последние пять лет изменениям у нас вполне достойные законы. Ранее процедура банкротства была в первую очередь способом избежания ответственности и ухода от долгов, кредиторы не могли спасти тот или иной актив. Субсидиарная ответственность руководителей или собственников бизнеса и арбитражных управляющих и возможность оспаривания сделок изменили ситуацию. Сегодня это самые востребованные и эффективные инструменты, прорыв в законодательной технике и судебной практике.

Однако, к сожалению, ни общество, ни судебная система, ни бизнес не готовы к полному, аккуратному и дисциплинированному применению действующего законодательства. Нам не хватает профессионалов как среди арбитражных управляющих, так и среди судей, которые способны объективно, профессионально и вдумчиво рассматривать банкротные процессы. Кроме того, необходима большая прозрачность в процедуре банкротства. Сегодня анализ деятельности должника, по сути, отдан на откуп управляющему.

— В чем отличия банкротств в кризисные 1999-2000 гг., 2008-2009 гг. и сегодня?

— В начале 2000-х годов институт банкротства был инструментом передела собственности. Сейчас он направлен в первую очередь на скорейшее получение денег. Теоретики считают, что заявление о банкротстве — это крайняя мера урегулирования спора. В действительности это обычный, повседневный способ оказания давления на оппонента. Например, одному нашему клиенту были предъявлены финансовые требования и подано заявление о банкротстве исключительно с целью понудить к выплате средств, спор по которым еще не был закончен. Банкротство

контрагента превратилось в риск, который необходимо учитывать в обычной хозяйственной деятельности.

— **Как изменился спрос на внешнее юридическое консультирование в связи с банкротствами?**

— Во-первых, он вырос, во-вторых, изменился. Ранее к нам редко обращались кредиторы, в основном клиентами становились собственники или менеджмент компаний, которые планировали уходить в банкротство. Среди кредиторов преобладали долевики, и несколько лет практика складывалась вокруг банкротств застройщиков. В настоящее время круг кредиторов, которые привлекают к работе внешних юристов, значительно расширился. Часто наши услуги становятся востребованными на ранних стадиях банкротства. Большое количество запросов связано с защитой собственников и управляющих от применения субсидиарной ответственности.

— **Какие особенности консультирования в связи с банкротствами вы можете выделить?**

— Банкротные процессы длительные, могут продолжаться по несколько лет. Каждый шаг, сделанный сегодня, получит свои последствия завтра или послезавтра. Для успешного проведения банкротства необходимо разрабатывать стратегию, понимать, как то или иное действие изменит ход процедуры и расстановку сил. Когда мы представляем интересы кредиторов, мы должны просчитать все риски: какое место кредитор займет в процедуре банкротства? Будет ли у него возможность влиять на ход процесса? С кем из кредиторов он может объединить усилия так, чтобы получить голосующее большинство и максимально эффективно защитить свои интересы? Работа в рамках банкротства связана с взаимодействием не только с представителями других кредиторов или собственников бизнеса, но и арбитражным управляющим, юристами, финансистами и бухгалтерией должника, специалистами по розыску активов и т. д.

Еще одна особенность — для клиентов в банкротстве (как должников или собственников бизнеса, так и кредиторов) очень важны временные параметры. Когда будет завершена процедура и получены деньги? Какие сроки можно предусмотреть в своих бизнес-планах? Вообще, в банкротстве нельзя руководствоваться только юридическими знаниями,

необходимо понимание экономической подоплеки процесса, умение отличать реальные и значимые активы, в некоторых случаях — привлечение финансовых аналитиков или аудиторов. Любое банкротство — это дорогое удовольствие, прежде всего для кредиторов. Стоимость процедуры увеличивается в несколько раз при трансграничном банкротстве или необходимости розыска активов за рубежом. В последние год-полтора клиенты начали просчитывать перспективы получения денежных средств до вступления в банкротство.

— Как обычно осуществляется розыск активов должника?

— В России это связано главным образом с анализом публично доступной информации: мы изучаем документы, реестры, выстраиваем схему бизнеса, устанавливаем связи с бенефициарами, а затем оспариваем сделки и возвращаем активы. За границей инструментов больше. Например, мы можем абсолютно легально нанять детективов, которые не только проанализируют различные информационные реестры, но и встретятся с людьми, по крупицам соберут всю важную информацию. И в России, и на Западе мы так-же работаем с информационными аналитиками, которые обладают навыками поиска и анализа информации из от-крытых источников об активах, выведенных за границу или спрятанных в России за подставными компаниями или номинальными акционерами и собственниками. Результаты такой работы порой бывают поразительными. Процедура розыска активов не из дешевых, может обойтись в несколько десятков, а иногда и сотен тысяч долларов, но и результаты дает почти всегда. Часто активы, которые находят, стоят миллионы. После получения информации крайне важно превратить ее в доказательства. В зарубежных судах это проще сделать: они охотно выдают приказы о раскрытии информации и обеспечении доказательств на

основе предварительно полученных данных и правильно сформулированной юридической позиции.

[Тематическое приложение к Legal Insight | Апрель-май 2016 БАНКРОТСТВО: СЮЖЕТ С ВАРИАЦИЯМИ](#)

ИНТЕРВЬЮ